

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Головацкого Евгения Васильевича на тему: «Политические нововведения: социальные ресурсы в условиях современных российских трансформаций», представленную на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 5.4.5.

Политическая социология.

Политические нововведения есть следствия постоянно изменяющегося общества, требующего изменений, это с одной стороны, а с другой – это требования самой политической сферы к совершенствованию, а именно к более адекватному отражению запросов общества. Но так как общество есть конгломерат различий, множества интересов, которые проявляются как законы, то и нововведения в сфере политики представлены как законы, т.е. с необходимостью и как потребности, удовлетворение которых становится основанием для последующих нововведений и совершенствований. Автор стремится показать процесс, с одной стороны обеспечения социальными ресурсами нововведений. «Тематика нашей исследовательской проблемы, заявляет автор на странице 317 диссертации, формируется вокруг обоснования вероятности политических нововведений с учетом ресурсного обеспечения, в рамках социального и политического взаимодействия, осуществляемого в условиях изменяющегося общества (регионального формата)». С другой стороны, процесс освоения политических нововведений наличествующими социальными ресурсами. Автор пишет на странице 34: «освоение политических нововведений представляют комплекс мер, включающих обозначение (сигнификацию) и опредмечивание (привыкание к материально-вещным компонентам инноваций) в социально-политических отношениях взаимодействующих сторон». В первом случае автор обеспокоен анализом готовности и способности социальных ресурсов поддержать новое в политике, во втором – анализом готовности и способности социальных ресурсов поддержать или отвергнуть нововведения. Эти основополагающие идеи пронизывают исследование, выносятся в положения, представленные к защите, обосновываются методологически и социологически (С. 100, 113), а методологический ресурс социологии, по мнению автора, значим в определении «роли ведущих исследовательских понятий...» работы (С. 138).

Автор на странице 43 диссертации говорит о том, что «социальные ресурсы рассматриваются нами в связке с политическими нововведениями не случайно. Таким образом нами подчеркивается принципиальное отношение к ресурсам... на более высоком уровне ответственности». Не случайность связки политических нововведений и социальных ресурсов, автор проводит на протяжении всего исследования, на протяжении всего исследования автор проводит и еще две мысли, о том, что политические нововведения являются ресурсоемкими продуктами. (С. 43) и о том, что «социальные ресурсы есть возможности общества, подготовленные соответствующим образом и мобилизуемые для применения в нововведениях» (С. 356) Эта концентрация исследовательского интереса автора на обеспечении и освоении социальными ресурсами политических нововведений, тематически обоснована и понятийно аргументирована. Выдвигаемые автором задачи исследования в полной мере соотносятся с заявленной целью, результаты, представляющие научную новизну, коррелируют с потребностями общества в изменениях, положения, выносимые на защиту, в полной мере соответствуют тематике исследования и содержанию диссертации, теоретическая значимость исследования обоснована, практические рекомендации оправданы.

Вместе с положительными достижениями автора, представленными в диссертации, имеются некоторые недочеты, которые нельзя обойти, не обратив внимания на них.

1. Наиболее безобидными, но искажающими положительное представление о рецензируемом исследовании является наличие огромного количества орфографических и синтаксических ошибок, встречающихся почти на каждой странице текста, управление падежами для автора что-то запредельное и потому смысл суждений иногда искажается настолько, что с трудом поддается пониманию.

2. Автор не выдерживает требования по оформлению сносок на используемую литературу. (С. 206; 54-55; 34; 36 и т.д.) Некоторые ссылки на авторов осуществляются в скобках, например, (Николаев и др.), но при этом работа, на которую ссылается автор отсутствует. Небрежность в оформлении ссылок на используемую литературу. Пример страница 216 вслед за цитатой в скобках обозначается автор и год работы - (С.А. Кравченко, 2001). Работы С.А. Кравченко 2001 года издания в библиографическом списке используемой литературы нет. Отсутствие сносок без указания страниц, излюбленная манера автора работать с первоисточниками, что не позволительно в подобного рода исследованиях.

3. Присутствуют ссылки на учебники и пособия (С. 79): Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами: учебник: пер. с англ. 8-е изд. М. и др.: Питер, 2004. 831 с.; (С. 54) Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. 313 с. Автор забыл дописать, что последняя работа тоже учебное пособие; (С. 226) Головацкий Е.В. Социоинженерия: электронное учебное пособие: тексто-графические учебные материалы [Электронный ресурс]; Кемеровский госуниверситет. Текстовое электронное издание (объем 1,28 Мб). Кемерово: КемГУ, 2020; (С. 376) Татарова, Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях: учеб. пособие / Г. Г. Татарова. – М.: Новый учебник, 2004. – 206 с.

4. Некоторые суждения автора противоречат здравому смыслу, а также основному закону, Конституции РФ. Так на странице 197 автор пишет: «Так, завершение срока политических или управленческих полномочий обусловлено старением (физическим, политическим или социальным), уходом политика из жизни (разные обстоятельства и условия этого ухода), судебными претензиями, кадровым перемещением, или маневром (ротацией), политическим проигрышем характеризует наступление периода «политического прошлого» для активных участников социально-политических взаимодействий». Политик уходит из жизни, но он остается активным участником социально-политических взаимодействий. Это за гранью действительного. Или на странице 214 автор пишет: «У подавляющего числа россиян отсутствуют капиталы для участия на политическом рынке. Следовательно, они вынуждено отказываются от гражданских прав в пользу того или иного общественно-политического объединения или политической партии». От каких прав отказывается россиянин? От права граждан на участие в политической жизни страны, как самостоятельно, так и через представителей власти? От реализации права на организацию общественных объединений?

5. Что касается концептуального построения исследования, требуется отметить следующее:

В заключении (С. 354-355) автор говорит об исходных основаниях разработки своей авторской концепции инноваций, которые обозначаются в четырех основных тезисах.

А) Начнем с первого тезиса, в котором уже становится заметным, что автор впадает в противоречие с целью исследования. Автор пишет, что «политические нововведения представляют собой единовременно процесс и результат ресурсного обеспечения процессов социально-политического взаимодействия...». Из чего следует, что политические нововведения и ресурсы есть одно и то же, и это одно и то же обеспечивает социально-политическое взаимодействие. То, что политические нововведения единовременно являются и процессом, и результатом, это обязывает нас видеть в них то, что они находятся в изменении и развитии и то, что они затвердевают в чем-либо, обеспечивая взаимодействие. Эта завершающая стадия взаимодействия противоположных понятий – сочетание, не родившее новой категории, а указавшее лишь на то, что

нововведение есть ресурсы, а ресурсы есть нововведение, может явится исходным основанием иной, а не предложенной разработки ресурсной концепции, в которой должным образом отразится процесс слияния вне рисков, угроз, конфликтов, всего того, что предлагает нам автор исследования.

Б) Второе исходное основание, обозначенное во втором тезисе – это смещение целерациональной реализации нововведений обусловлено (может быть, говорит автор) культуроцентричностью сознания и поведения участников. На первый взгляд вполне себе исходно-тезисное обоснование, но как выясняется к исходному мало имеет предрасположенность. Во-первых, было бы нелепым иметь не целерациональную реализацию нововведений, они всегда есть идеальный конструкт, без которого вообще ничего не сотворить, тем более внедрить что-то новое и в добавок в политике. Поэтому это жиденькое основание, да и не основание вовсе, ибо культуроцентричность есть особый элемент нововведений, о чем говорит автор на странице 350 диссертации: «культуроцентричность включается в раздел особенностей использования социальных ресурсов на территории освоения». Вообще данное исходное основание в тексте диссертации появляется всего лишь в двух сюжетах, как особенность и как исходное основание, тогда как необходимо культуроцентричности как исходному основанию, т.е. общему основанию, прибавить большей заинтересованности и аргументации. Так что же творит культуроцентричность – обуславливает целерациональность нововведений, является исходным основанием концептуального построения или является особым элементом, оказывающим влияние как на политические нововведения и состояние социальных ресурсов?

В) Третье исходное основание, обозначенное в третьем тезисе – это качества и масштабы социальных ресурсов территории обуславливают содержание реализации нововведений – мало о чем говорит. Уровень абстракции, принятой автором в демонстрации исходных оснований, его же ввергает в банальности в определении. Социальные ресурсы определяют содержание реализации, которое может быть различным вне обусловленности качеством и масштабами и определяемой уровнем развития производительных сил, заходом и восходом солнца, т.е. природно-климатическими условиями, их качеством и масштабом. С другой стороны, каким качеством и масштабами определяются нововведения? Какой мерой определяется качество и масштаб ресурсов? На странице 65 в исходных принципах ресурсной концепции инноваций, автор посвящает нас в понимание им качества социальных ресурсов, — это способность формировать зависимые отношения к содержанию и особенностям реализации нововведений. Значит мерой качества социальных ресурсов является их способность зависеть от нововведений. Вместо того, чтобы связи и отношения, а вместе с ними взаимодействия с необходимостью требовали нововведения, они просто обязаны зависеть от нововведений. Тогда нововведение само себя отрицает, сохраняя зависимость ресурсов от самой себя, что представлено и до нововведений. В данном случае определение зависимости как меры качества социальных ресурсов никак не отличает старовведения от нововведений. И там, и здесь зависимость сохраняется, не указывая на различия старовведений от нововведений. Переход из состояния, требующего нововведений, не состоялся и не состоится, потому что нововведения требуют от ресурсов такой же зависимости, как и старовведения.

На странице 75 автор говорит о качественном насыщении ресурсами процессов, сопровождающих политические нововведения. Уже получается, что социальные ресурсы сопровождают реализацию нововведений, они уже не участники и не исходные основания нововведений? Они уже принципы, которые выделяются «с целью отграничить наиболее существенные свойства социальных ресурсов» организаторами нововведений. Само же качество социальных ресурсов подчиняется другому принципу, принципу «общественной опоры» или поддержки со стороны граждан, их активности и человеческой ресурсности, о чем автор говорит на странице 15 исследования. В связи с чем можно прийти к выводу, что политические нововведения сопровождаются социальными ресурсами, возведенными в

принцип отграничения, которому в свою очередь способствует принцип «общественной опоры». Не вдаваясь в дальнейшие изыскания противоречий, касающихся мыслей автора по поводу качества ресурсов, следует сказать, что качество того или иного наблюдаемого объекта является продуктом отношений этого объекта с другими объектами. Поэтому качественной стороной ресурсов являются сами ресурсы в том определении, которое мы находим у автора на странице 14 диссертации. И если та или иная совокупность отношений, связей, способов взаимодействия требует изменений в силу объективных обстоятельств, то политика, принимая требования, изменяется, вводя нововведения, созвучные созревшим потребностям, изменением самого качества ресурсов, утверждением новых отношений, связей и способов взаимодействия, т.е. нового социального качества.

Касаясь масштаба социальных ресурсов как исходного основания авторской концепции. Здесь автор преподносит нам урок такой предикативной абстракции социальных ресурсов, что ее понимание становится затруднительным. Анализ использования автором понятия «масштаб» (См.: СС. 270, 237, 74, 172, 223 и т.д.) дают основание говорить о масштабе как пределе чего или кого-либо. Поэтому масштаб социальных ресурсов есть их предел, а относительно нововведений можно говорить о предельной полезности этих социальных ресурсов для нововведений, в трактовке автора. Автор исходит не из потребностей социальных ресурсов в нововведениях, а из потребностей нововведений в социальных ресурсах, ставя проблему с ног на голову. Но даже при такой мировоззренческой основе, которую являет автор, исходным основанием нововведений является совокупность наличествующих отношений, связей и способов взаимодействия. Если вся эта совокупность обозначается масштабом, то этим ничего не прибавляется, а лишь все своеобразие отношений, связей и взаимодействий растворяется в абстракции масштаба, в понятии не имеющего специфического ни социального, ни политического смысла.

Поэтому третье исходное основание в представлениях автора зыбкое основание, для того чтобы на ее фундаменте выстроить логически не противоречивую систему взглядов о политических нововведениях и социальных ресурсах последних.

Г) Четвертое и последнее исходное основание авторской концепции – это «взаимодействие всех сторон по поводу социальных и политических инноваций повторяется в своих последовательных этапах освоения» (С. 355). Взаимодействие всех сторон повторяется на всех этапах и тем становится исходным основанием разработки ресурсной концепции. Взаимодействие оно и есть взаимодействие, маркируясь в своих особенностях процесса, этапизируется исследователем и является в некоторой особенной определенности принятого способа взаимодействия, в некотором качественном отличии, при сохранении того, что это взаимодействие. Значит повторяется взаимодействие, а не его особенности, в этапах фиксируемые. Тогда исходным основанием является не повторяемость взаимодействия всех сторон по поводу нововведений и ресурсов, а абстрактное взаимодействие, в котором исчезают не только «индивидуально-личностные свойства – «портрет» участников, замещаемый некоторым обобщенным «эффектом масштаба»», но и действительные субъекты взаимодействия, интересы которых требуют этих нововведений. Так, разделяя взаимодействие по поводу нововведений на этап освоения (С. 11) и реализации (С. 72), а собственно этап освоения на этап цикла освоения (С.33), этап процессуальной структуры освоения (С. 229), этап результатов освоения (С. 134), этап подражания, заимствования, интериоризации, внедрения, рутинизации (тиражирования) (С. 14), этап технологического освоения (С. 226), этап описания инновационной схемы освоения (С. 266), автор тем самым показывает, что способы взаимодействия изменяются, а повторяется лишь абстракция взаимодействия. А если исходным основанием разработки выступает абстракция взаимодействия, то и субъектами этого взаимодействия являются такие же абстракции – стороны или участники. В диссертационном исследовании их целые легионы.

В нем говорится об участниках взаимодействия, о сторонах взаимодействия (С. 267, 154), о сторонах-субъектах взаимодействия (С. 159), об участниках социально-политического взаимодействия (С. 280), о сторонах-участниках взаимодействия (С. 221), новых акторах взаимодействия, например, политическая и экономическая элиты, о силовых ресурсах, о представителях науки, культуры и искусства (С. 231), о власти как участнике взаимодействия (С. 207), рядовых участниках взаимодействия (С. 353), организациях, институтах (С. 11), журналистах, политических обозревателях, профессиональных политтехнологах, специалистах ПР-деятельности (С. 180), политиках регионального уровня, действующих общественно-политических деятелях, находящихся в отставке и не находящихся в таковой, людях науки, представителях экономической и социокультурной элиты, об авторитетных представителях местных сообществ, о «местных силовиках», деятельных инициативных людях и организациях, региональных СМИ, самодельных акторах социально-политического взаимодействия, которых не много, оппозиционерах, основной массе населения, включая в том числе и «болото», мигрантах или пришлом населении (С. 116), активных индивидах (С. 182), потребителях освоения нововведений (С. 284), а также просто о населении, которое все же отличается от участников (С. 356). Используя понятие «сторона» взаимодействия, автор упраздняет социальные различия, не позволяет увидеть эти стороны в их реальном социологическом облике, различающимся по тому или иному социальному основанию и различно мотивируемых на изменения и инновации. Что же это за стороны, взаимодействие которых «повторяется» на всех этапах освоения нововведений? Это абстракции, которые позволяют автору быть свободным от анализа действительности таковой каковой она сегодня представлена. Вопрос остается открытым, а оставаясь таковым, он не может выступить исходным пунктом в завершенном концептуальном построении, как не может быть построен дом без своего основания – фундамента. Поэтому и четвертое исходное основание невероятно зыбко для концептуального построения, потому концептуально пострадавшие автором выводы, носят такой же абстрактно-неопределенный характер как исходные основания. Тогда как социальные ресурсы, выступая в качестве средства нововведений должны же быть удовлетворены не неопределенностью, а результативным политическим нововведением.

Д) Не останавливаясь на всех обобщенных выводах, остановимся на наиболее значимом в контексте темы предлагаемого исследования и увидим, в доказательство наших предположений, то, что исходные основания концептуального построения слабо социально детерминированы, они не цель нововведений, они их средство. «Политические нововведения, говорит автор на странице 356 исследования, требовательны к объему и качеству ресурсного обеспечения. Социальные ресурсы представляют актуальные и востребованные возможности общества, подготовленные соответствующим образом и мобилизуемые для применения в процессах социальных и политических взаимодействий. В диссертации предлагается авторское типологическое описание и регионально ориентированная характеристика социальных ресурсов, а также проанализировано их относительное соответствие жизненным циклам нововведения». Утверждение о том, что политические нововведения требовательны к объему и качеству ресурсного обеспечения, вполне доступно для понимания, но какие ресурсы не в их абстракции, а в действительности требуются для этих нововведений, остается за кадром концептуального построения. Следующее за первым второе утверждение также в своем ответе на тематический вопрос повисает в воздухе и не дает ответа о каких возможностях идет речь, каким образом социальные ресурсы должны быть подготовлены, о каких способах мобилизации идет речь? Вообще для автора социальные ресурсы как складские товары, разложенные по полкам, имеющие свой штрих-код, для облегченного компьютерного поиска их по мере надобности, потому все социально представлено как запас, а иногда и как человеческий запас, которым пользуется политическое нововведение как живое существо по своему усмотрению, таксировав каждый ресурс и определяя выгоду от его использования.

Верхом концептуальных достижений автора является форма превращения социальных ресурсов в не во что. На страницах 116-117 автор после долгого перечисления деятельного потенциала социальных ресурсов территории, презентует социальные ресурсы по структурным признакам, а затем вдруг начинает говорить о том, что все участники и стороны социально-политического взаимодействия используют подобную форму превращения социальных ресурсов (С. 117). Не сказав об этой «подобной форме», не обозначив ее, автор, по сути дела, раскрывает концептуальное кредо, которое заключается в том, что социальные ресурсы для нововведений, а не нововведения для социальных ресурсов, о чем мы уже говорили. Рассуждения на том уровне абстракций, в которых скрыта определенность тех «одних», насыщающих процессы политического участия мобильной частью ресурсов в форме протестных настроений, и «других», использующих транзитивные возможности социальных ресурсов для сопровождения «больших проектов» (С. 117), могли быть раскрыты в определении «одних» и «других» теми же социологическими методами, о чем автор и говорит на странице 155. Поэтому мы не разделяем оптимизма автора о том, что «предложенная «ресурсная концепция» политических инноваций способна стать теоретико-методологической базой в интересах последующего изучения проблем политического развития современного российского общества с претензией на формирование теории ресурсного обеспечения инноваций! (С. 18)

6. И последнее, о методологии исследования, принятой автором. Она не оригинальна и имеет свою историю. Это метафизика, которую описал К. Маркс, особенно доходчиво в «Ницете философии». «...метафизики, воображающие, что, производят эти абстракции, они занимаются анализом и что, все более и более отрываясь от предметов, они приближаются к предметам и проникают вглубь вещей – эти метафизики по-своему правы, говоря, что вещи нашего мира представляют собой всего лишь узоры, для которых конвой служат логические категории. Тем-то и отличается философ от христианина, что христианин знает лишь одно воплощение Логоса, вопреки логики; у философа же нет конца этим воплощениям». (К. Маркс Ницета философии. Т. 4, С 130-131) Автор диссертации полагая, что анализирует, используя социологический разум, на самом деле он просто укладывает абстракции в логическую схему последовательности, сменяющих друг друга понятий и категорий и тем не замечает, что вступает в противоречие с действительностью, отрицает последнюю, хотя автор и говорит на странице 168 о том, что нововведения, в сжатом виде определения, есть «процесс и результат сознательного целенаправленного преобразования субъектами реальной действительности и своего взаимодействия с нею». Тем самым опять же расширяет понимание нововведений до деятельности вообще и тем только подтверждает, что данное исследование носит абстрактно-метафизический характер.

Диссертация Головацкого Евгения Васильевича на тему: «Политические нововведения: социальные ресурсы в условиях современных российских трансформаций» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Головацкий Евгений Васильевич заслуживает присуждения ученой степени доктора социологических наук по специальности 5.4.5. – Политическая социология. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета
доктор политических наук,
профессор, профессор

Стребков А.И.